

Эдвиг АРЗУНЯН

ПАМЯТИ ОТЦА

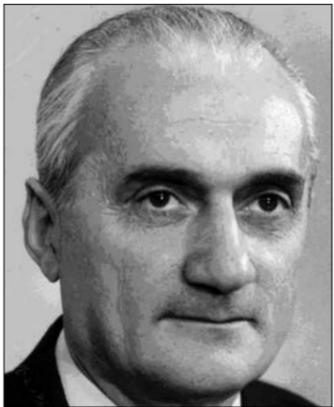
Беспартийность

4 июня — столетие со дня рождения моего отца Айрона Степановича Арзуняна. Хотя отца давно нет, я не могу написать "покойного отца", поскольку жив он или нет, достоверно никому неизвестно: 14 лет назад в 86-летнем возрасте он попросту ушел из дому и пропал без вести, — по выписке из решения суда, "признан безвестно отсутствующим".

Отец был видным специалистом нефтегазовой промышленности СССР, в любом конце страны на предприятиях этой отрасли его знали. Тем не менее, с его профессиональной известностью все было не так просто.

Дело в том, что он не занимал крупных административных должностей, и у него не было ученых степеней, — а был лишь авторитет, добытый незаурядными творческими и трудовыми достижениями. Причем что касается должностей и степеней, то его отнюдь не обходили ими, а как раз наоборот: он сам избегал их, то есть, по сути, был феноменом такого антикарьеризма.

Вообще, советские люди — те, кому посчастливилось не угодить в Гулаг, — делились на две основные касты: "высшую" — членов партии, и "низшую" — не членов. В партию охотно принимали рабочих, — чтобы симулировать ее пролетарский характер, менее охотно — колхозников. Для служащих же, включая и так называемую советскую интеллигенцию, "высшая каста" была почти недоступна, — за исключением тех избранных, которыми сама номенклатура собиралась пополнить свой состав. Часть таких служащих-счастливчиков, которые без комплексов, пользовались любой открывшейся возможностью "вступить" — ради зарплаты, должности, звания. Но небольшая прослойка, более нравственная, предпочитала не "вступать" — в ущерб зарплате, должности, званию, — не желая связывать себя со скомпрометировавшей себя партией. Именно к таким и относился мой отец.

А.С. Арзунян. Фото 1970-х годов

Именно поэтому большую часть своей долгой трудовой биографии он был не первым, а вторым руководителем учреждения: главным инженером СМУ, затем — завучем техникума. При нем многократно менялись начальники СМУ, директора техникума, — и руководители министерства каждый раз предлагали ему занять эти должности. Разумеется, срочно вступив в партию. Но он всегда увиливал от партии:

— Я еще не чувствую себя идеологически достаточно подкованным...

— Для меня это слишком большая ответственность...

Менее ценному работнику этого бы не простили, но ему всегда сходило с рук.

Тяга к знаниям

В 1905 г. мои дедушка и бабушка — Степан и Анна Арзруни (Арзуняны) — с маленьким старшим бра-

том отца на руках бежали из турецкого города Сивас в российский город Одессу. Здесь у них родилось еще пятеро детей, в том числе в 1909 г. — мой отец.

В своих незавершенных и неопубликованных мемуарах он писал:

"С трудом сводили концы с концами, особенно тяжело было в 1921 г.

Прохожие то здесь, то там падали от голода, но никто к ним не подходил, — потому что помочь было нечем. Вечером подводой собирали трупы.

Хлеб был редкостью, — в основном, ели макуху. Вместо обуви носили самодельные деревяшки.

12-летним мальчиком со старшим братом и группой взрослых отправлялись через день на лиманы, чтобы добывать соль, а затем эту соль доставляли на станцию Сортировочная (у Лузановки), где меняли на продукты или продавали мешочникам, которые на крышах и в тамбурах вагонов отвозили ее вглубь страны, выменивая на крупы и другие продукты питания.

Когда ухудшилось положение с добычей соли (ее перестали покупать), мама продала серги и кольцо — и купили тачку, оборудованную деревянной бочкой, чтобы возить воду в районы города, куда вода не поступала: на Тираспольскую, Старопортофранковскую, Кузнечную, Дегтярную и др. Сначала бочки наполняли у дома № 1 по Красному переулку, потом — в порту.

В 14 лет я поступил разнорабочим на обувную фабрику "Покоф", а затем слесарем на металлообрабатывающий завод им. Г.И. Петровского. Чтобы попасть в вечернюю школу рабочей молодежи, стал на очередь (так тогда было) — и только через год получил путевку в школу на углу Толстого и Новосельской. Мои одноклассники были подготовлены значительно лучше, чем я, но это меня не обескуражило".

Отец никогда не говорил мне об этом, но теперь, переехав в Соединенные Штаты и познав на себе значимость языкового барьера, я представляю себе, как нелегко ему было учиться в русскоязычной Одессе, родившись и живя в семье с армянским языком общения. Но тяга к знаниям помогла преодолеть языковой барьер:

"После школы — рабфак, затем — институт (Теплотехнический факультет Одесского политехнического института. — Э. А.), дневное отделение. На протяжении всей учебы в институте где-то еще работал: грузчиком в порту, завхозом в пионерлагере, культработником в "Коопфото", воспитателем в общежитии.

Приятной общественной обязанностью было назначение меня в художественно-политический совет Украинского театра, который был тогда самым популярным в Одессе. Здесь познакомился с драматургом Микитенко, композитором Данкевичем и актерами: Шумским, Гнат-Юрой, Ужвий, Нярко, Мацеевской, Дуклером и др.; но потом их перевели в Киевский театр им. Ивана Франко, после чего одесский украинский потерял свою популярность.

Затем был в совете Русского театра. Однажды мне посчастливилось увидеть здесь старого революционера Г.И. Петровского, который пожал нам руки и после небольшой беседы с нами выступил в зале театра с речью".

Смелая реконструкция

Хотя в целом отец дистанцировался от официальной идеологии первой страны социализма, но один из ее аспектов он воспринимал с энтузиазмом — индустриализ-

зацию как часть всемирной научно-технической революции. И в своей инженерной профессии он всегда был восторженным романтиком.

А началось все с дипломной работы в институте: "Наряду с традиционными, чисто учебными темами по тепловым электростанциям, появились и темы на реальной основе. Одна из них обсуждалась особенно оживленно: проект котельной для Одесского сталепрокатного завода им. Ф.Э. Дзержинского. Нужно было осуществить ряд исследований по определению потребности в паре на всех участках завода (пар был в ту пору основным энергоносителем для привода прокатных станков). Мои друзья настойчиво советовали мне не связываться с реальным проектированием, требующим исследований, а взять обычную тему по тепловой электростанции, по которой все данные можно найти в литературе. Чем больше мне советовали не брать реальную тему, тем сильнее было желание взять ее. И вот я получил в деканате соответствующее задание".

Пришлось тогда отцу — еще студенту — хорошо потрудиться, провести оригинальное исследование. Но в результате скептики были посрамлены: диплом был защищен на отлично.

Перечитывая сейчас это место в мемуарах отца, я вдруг вспомнил, что через три десятка лет после него я поступил аналогично: перед окончанием филфака университетом вопреки советам здравомыслящих друзей выбрал реальную и весьма рискованную тему "Поэзия Евгения Евтушенко". Но в отличие от отца, я в какой-то мере пострадал-таки от этого выбора.

Дело в том, что Евтушенко в разгар моей работы над темой в очередной раз попал в немилость у руководства страны. И по решению дипломной комиссии, мне в рекордные сроки, в течение двух недель, пришлось ударно накатать другую дипломную работу — уже по грамматике, чтобы больше не рисковать.

В общем, не зная тогда о поступке отца, я поступил, оказывается, аналогично... Гены?

Защитив диплом, отец сразу же получил назначение на "Дзержинку". Но авторитет английской фирмы "Мак-Никол", на чьих котлах работала "Дзержинка", был высок, — и поначалу дипломный проект отца на заводе восприняли лишь как учебную работу.

Но после двух поездок в Москву, в министерство (второй раз — уже с директором завода), отец добился, в конце концов, реализации своего проекта: "Предложение инженера было претворено в жизнь: водотрубная часть котла поднята над колосниковой решеткой на 1 метр. В результате увеличился объем топочного пространства, а следовательно, и теплопередача, повысилась производительность котла на 15-20% при том же расходе топлива. Внедрение рационализаторского предложения дало возможность уменьшить численность обслуживающего персонала" (Меркачев В., Коренцов Ф., Кривич Н., Френкель Л., Хорошенко И., "Стальные мускулы Дзержинки". — Одесса, Маяк, 1985, стр. 42). "Директор запропонував мені скласти розрахунок економічного ефекту для сплати мені винагороди, та я від грошей відмовився. Було мені тоді 27 років" (Арзунян А., "Як англійську фірму присоромили". Газета "Дзержинець", 18 января 1986 г.).

Все это происходило в 1937 году — году пика сталинских репрессий. И когда я уже был взрослым, отец рассказывал:

— Ректор индустриального института В.А. Добровольский как-то сказал в моем присутствии: "Ну, пошел третий тур...". Это сажали так

называемых инженеров-вредителей как врагов народа: сначала был первый тур — и на место посаженных назначили новых; потом пошел второй тур — посадили этих новых и назначили опять новых; а потом третий тур... Но после третьего тура сажать перестали: потому что годовой план завалили — и надо было срочно выправлять положение...

Как раз тогда — после третьего тура — отец и затеял реконструкцию котельной:

— И конечно, мне было страшно вато приниматься за реконструкцию, — говорил он, — ведь не было уверенности, что не начнется четвертый тур... Но я был молод, безрассуден...

А в 1941 г., перед самой войной, отца призвали на военную службу — младшим лейтенантом артиллерии. Но с началом войны как ценный специалист он получил бронь — и был назначен главным инженером СМУ нефтегазовой промышленности.

Дальнейшая карьера

Перечислю основные ее этапы: 1. В 1941 г. отец, мать и я эвакуировались в небольшой город Камбарку (Приуралье), где около года СМУ отца строило нефтебазу. В какой-то момент из Камбарки отец уезжал куда-то в длительную командировку, о которой он рассказывал лишь много лет спустя.

Оказывается, его переправили в осажденный Ленинград и привезли к А.А. Жданову, первому секретарю Ленинградского обкома партии. Тот повез его на замаскированный аэродром, на котором стояли истребители, не могущие взлететь в воздух из-за отсутствия бензина. Тянуть бензопровод по льду Ладоги под обстрелами было безумием, но отец вынужден был согласиться на это безумие. И бензопровод был построен: "Бензопровод диаметром 102 мм и протяженностью 29 км прокладывали по дну озера на глубине до 35 м. Он был сооружен за 43 дня — с 5 мая по 16 июня 1942 года. На восточном берегу озера построили две насосные станции, а на западном — резервуарные емкости и наливную эстакаду. Ежедневно трубопровод подавал 400-600 тонн топлива в Ленинград. В общей сложности было доставлено 47,4 тыс. тонн горючего, из них 32,7 тыс. тонн в 1942 году и 14,7 тыс. тонн в 1943 году. Бензопровод проработал без аварий более двадцати месяцев и отключен после снятия блокады" (Р.Н. Бахтизин, Б.Н. Мастобаев, А.Е. Соценко, А.М. Шаммазов, "Трубопроводный транспорт России").

После Камбарки и Ленинграда — строительство нефтепровода "Саратов — Москва", "Дашава — Киев", "Рени — Плоешти"; строительство нефтебаз и крекинг-заводов: в Уевке, Вапнярке, Рени, Одессе, Херсоне и др. (по утверждению проектов строительства отец бывал на приеме

у Л.П. Берии — тогда заместителя И.В. Сталина в Государственном Комитете Обороны).

Надо сказать, что объекты нефтегазовой промышленности пользовались особым вниманием германской бомбардировочной авиации, — так что бронь у таких, как мой отец, отнюдь не была средством отсидеться в тиши тыла. Эти люди тоже были как бы на передовой, у них тоже происходили "потери живой силы и техники".

В 1944 г. Румыния капитулировала перед советскими войсками и стала платить Советскому Союзу репарации, часть из которых должна была идти нефтью. Для этого было решено построить нефтепровод "Рени — Плоешти".

Советский генерал военного подразделения, заинтересованного в этом нефтепроводе, пригласил отца к себе в кабинет и спросил:

— А можете вы построить нефтепровод без проектных чертежей?

— За такое грозит тюрьма, — ответил отец.

И генерал объяснил:

— Мы постоянно наращиваем количество военной техники в действующей армии, и горючего стало остро не хватать. Это тормозит наступление наших войск и увеличивает потери. Даже утвержденные уже рекордные сроки проектирования и согласований займут не менее трех месяцев... Дополнительные три месяца войны с недостатком горючего!

Для отца повторялась в какой-то мере ситуация, которая была за восемь лет до этого на одесской "Дзержинке": ради дела надо было рисковать головой.

— Я буду защищать вас во всех инстанциях... — обещал генерал.

Ясно было, что обещания обещаниями, но в случае неудачи, какой-нибудь серьезной аварии на будущем нефтепроводе — не сносить отцу головы.

Однако — 1944 год: уже чувствовалось дыхание Победы. И отца тоже захватил патриотический порыв.

...Проектные чертежи пришли в Рени, когда нефтепровод был уже построен и качал румынскую нефть в Советский Союз. Генерал получил очередной орден.

"К магистральным можно отнести проложенный в январе 1945 года сборно-разборный трубопровод протяженностью 225 км, диаметром 100 мм и с пропускной способностью 40 м³/ч. Он подавал горючее из района Плоешти (Румыния) на перевалочную нефтебазу в Рени (СССР). Горючее перегружали в железнодорожные цистерны и отправляли на фронт" (Р.Н. Бахтизин, Б.Н. Мастобаев, А.Е. Соценко, А.М. Шаммазов, "Трубопроводный транспорт России").

Нет, в обыденной жизни отец отнюдь не был смельчаком — он был скорее слишком робок.

Но увлеченный своей инженерной профессией, он зачастую терял грань между риском творческим и риском личным. Блага инженерная удача всегда сопутствовала ему.

2. Реконструкция — во время

На крыше резервуара. А.С. Арзунян — слева. Вероятно, Херсонская нефтебаза, начало 50-х гг.

срочной командировки из Рени в Киев — здания Верховного Совета УССР после пожара в период оккупации.

"Благодаря выборочному обновлению металлоконструкций здание удалось ввести в строй гораздо раньше, чем предполагалось, без ущерба для прочности и внешнего вида. Кроме того, было сэкономлено 250000 рублей.

Потом передо мной поставили еще одну задачу — внести поправку в архитектурный облик здания. Так как оно на возвышении, то с ближайших улиц не было видно купола, — вот мне и предложили поднять его.

Поднимали восемь домкратов. После этого подставляли заранее изготовленные тумбы из труб диаметром 325 мм и приваривали их. Купол здания Верховного Совета вырос на 1 м 20 см" (Газета "Сталинский путь", орган Ренийского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся, 29 мая 1945 г.).

Через год отцом был аналогично реконструирован купол железнодорожного вокзала в Одессе.

3. Участие в качестве эксперта-нефтяника в комиссии по утверждению проекта нефтегазавани Ильичевского порта.

Тут экспертиза отца предотвратила серьезную ошибку.

Проект предусматривал прием будущей нефтегазавани крупнейшей на тот момент танкеров. Однако отец проинформировал комиссию, что на зарубежных верфях строятся уже супертанкеры, намного большей грузоподъемности. И если не исправить проект, то к моменту завершения строительства нефтегазавани окажется устаревшей, не пригодной для их приема. Доводы отца были учтены, и хоть проект пришлось удорожить, зато конкурентоспособность нефтегазавани была обеспечена.

4. Изобретательская деятельность.

Самое известное из его изобретений — резервуар с безмоментной кровлей для хранения нефтепродуктов, дававший большую экономию металла и вошедший в специальную литературу под названием "Резервуар Арзуняна".

В СССР было построено несколько таких резервуаров, а в Китае эта конструкция была принята как типовая, и таких резервуаров было построено сотни. Как и в эпизоде с "Дзержинкой", от возможного гонорара из Китая, до 100000 рублей, при тогдашнем курсе \$1=65 копеек, отец отказался (и пришлось ему лет десять коптить деньги на первую свою автомашину — "Москвич-403").

Помню, несколько раз отцу предлагали работу в министерствах Москвы и Киева — причем в Киеве даже с квартирой на Крещатике (в Москве на первых порах пришлось бы снимать квартиру). Но будучи патриотом Одессы, а также из-за нежелания вступать в партию, он неизменно отказывался, продолжая свою линию антикарьеризма.

5. В 1955 г. отец завершил трехгодичную стационарную учебу в Академии нефтяной промышленности в Москве, со стипендией в размере зарплаты на последнем месте работы.

Выпускные экзамены в академии приравнялись к кандидатскому минимуму, а дипломная работа — к кандидатской диссертации. Но кроме защиты дипломной работы надо было потом отдельно пройти процедуру оформления и защиты ее уже как диссертации. И по своему обыкновению, отец отказался тратить еще несколько лет на рутинную диссертационную волокиту — причем в Москве, без квартиры, продолжая жить в разрыве с семьей, находившейся в Одессе.

Так в очередной раз он притормозил свою официальную карьеру.

6. Четверть века работы в Одесском техникуме газовой и нефтяной промышленности, ко-

торый при нем из небольшого учебного заведения превратился в крупнейший техникум Украины и один из крупнейших в Советском Союзе. Преподавательская деятельность и руководство учебной работой в качестве заместителя директора техникума, а также организационная работа по строительству двух девятиэтажных домов для работников техникума — первых домов будущей улицы Александра Невского будущего микрорайона Вузовский, в районе 5-7 станций Черноморской дороги.

7. Написание учебников: "Резервуары с безмоментной кровлей для хранения нефти и нефтепродуктов". — М., ЦНИИТЭ-нефть, 1956; "Учебное пособие для дипломного проектирования в техникумах (совместно с А.В. Громовым и И.И. Матецким)". — М. Недра, 1972; "Расчеты магистральных нефтегазопроводов и нефтебаз". — М., Недра, 1979; Сооружение нефтегазохранилищ (совместно с В.А. Афанасьевым и А.Д. Прохоровым). — М. Недра 1986.

Память о человеке

В 1989 г. отцу было 80 лет, и он был в хорошем для своего возраста физическом и психическом состоянии. Во всяком случае, на своей машине "Жигули" он отвез меня с женой в одесский грузовой порт и провез по порту к грузовому судну "Академик Благонравов", на котором мы и отчалили в Соединенные Штаты. А в Советском Союзе сохранять права на вождение автомобиля в таком возрасте мало кому удавалось.

Однако, живя уже в Нью-Йорке, я узнал, что в последний год жизни отец стал иногда терять память. Случалось, что он не мог найти дорогу домой, и его приводили чужие люди.

В 1995 г. его квартира была в его отсутствие ограблена, причем пропали и документы (наверно, для вписывания в них других фамилий и вклеивания других фотографий). А вскоре и сам он пропал без вести. И единственный документ, который сейчас есть у меня, — это решение суда о признании его "безвестно отсутствующим".

Два месяца назад я послал письма на имя директора Одесского техникума газовой и нефтяной промышленности, где отец проработал четверть века, и на имя мэра Одессы, в которой отец родился и пропал без вести на девятом десятке лет жизни, — с просьбой помочь в поисках документов его и о нем в архивах техникума и города. Но, увы, до сих пор я не получил ответа не только по обычной почте, но и по указанному мной в письмах имейлу.

Я просил о возможности хотя бы сделать ксерокопии того, что можно было бы найти (метрическое свидетельство, дипломы института и академии, трудовая книжка, авторские свидетельства на изобретения, автобиография и др.), — за такими ксерокопиями мог бы зайти кто-нибудь из проживающих в Одессе моих родственников или друзей. Но не только сами руководители, но и их канцелярии так и не ответили мне.

Человек пропал без вести... Но неужели он не оставил никакого следа ни в учреждении, где он работал, и которое, по сути, создал в течение четверти века, ни в родном городе, которому он был верен всю свою жизнь?

Тем более что хоть он и не был особой знаменитостью, — но не был и заурядным гражданином своего города.

P. S. Те из читателей, кто желает поделиться со мной воспоминаниями об А.С. Арзуняне, могут прислать их мне по адресу: edvig@narod.ru.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

ПРОФЕССОР С ДЕРИБАСОВСКОЙ

Ничего в нашей жизни не дается даром, за все нужно что-то платить, чем-то жертвовать, от чего-то отступать. Тысячи лет люди, будь то деревянной палочкой по сырой глиняной дощечке, заостренной камышиной на листьях папируса, кисточкой на пергаменте или гусиным, а потом стальным пером на бумаге, но писали, как говорится, от руки. И только с появлением электрического, как его поначалу именовали, телеграфа, потом пишущих машинок, телетайпов, а в наши нетерпеливые времена компьютеров с принтерами и электронной почты рука человека все чаще и все дальше отрывается от бумаги, которая зачастую и вовсе оказывается ненужной. Но читать письмо, напечатанное даже самым что ни на есть лазерным принтером, или то, которое написано рукой близкого человека, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Написанное от руки способствует "эффекту контакта", поскольку почерк — такая же сугубо индивидуальная особенность каждого человека, как голос, походка, жестикация, и может повести даже о самом потаенном. "Понятно... что если каждая буква стоит отдельно, то обладатель почерка высокого о себе мнения, — утверждал Юрий Карлович Олеша. — В самом деле, даже в скорописи человек успевает бросить каждую букву отдельно, как бы помня о каждой, как бы очень ценя каждую..."

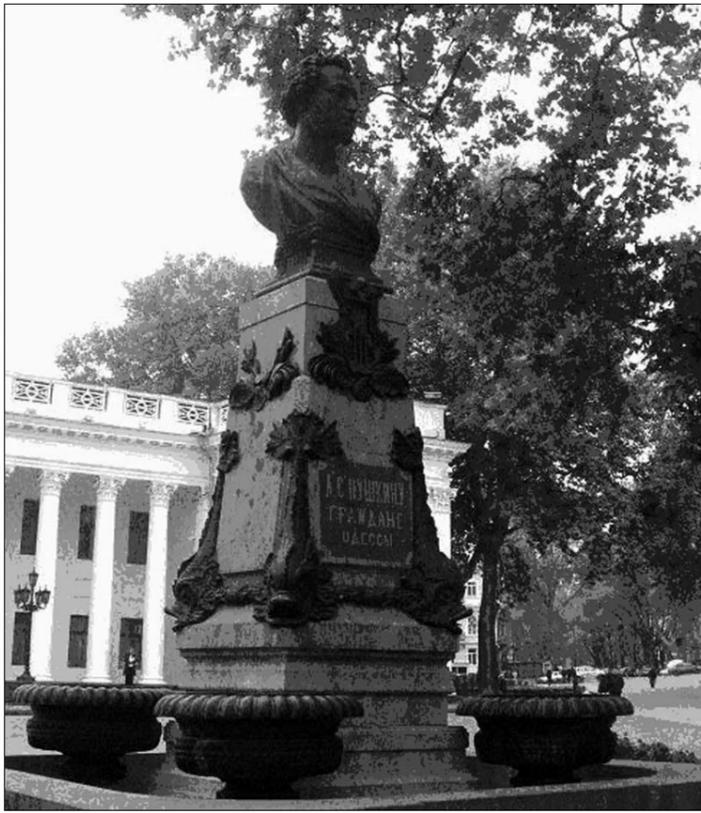
В давние годы хороший почерк, может быть, и не совсем заслуженно, так как не всегда зависит от человека, но считался одним из его несомненных достоинств. Известно, к примеру, что в молодые "дописательские" годы Александр Дюма получил место в канцелярии самого герцога Орлеанского исключительно благодаря своему великолепному почерку. И персонаж рассказа Шолом-Алейхема "Родительские радости", характеризуя своего зятя, подчеркивал, что у него "прекрасная голова на плечах, прекрасный почерк", то есть ставил почерк на одну доску с интеллектуальными способностями. Разным бывает почерк, в том числе некрасивым и, что много хуже, неразборчивым. Довелось мне когда-то буквально по буквам расшифровывать давнишнее, времен войны, письмо Ильи Григо-

рьевича Эренбурга, который обычно печатал их на машинке, извиняясь и признаваясь в том, что свой почерк он и сам частенько не в состоянии разобрать. Я посетовал на свои мучения и показал это письмо доброму знакомому, старейшему тогда юристу Илье Вениаминовичу Шерешевскому, который сочувственно покачал головой и с эрудицией коренного одессита изрек: "Да, не было на него в молодости профессора Коссодо!".

Происходивший из мещан города Николаева, Адольф Исидорович Коссодо родился в 1861 году и в последнее десятилетие XIX века приобрел широкую известность. Много лет в одесских газетах и столичных журналах регулярно появлялось его оригинально набранное объявление: "КРАСИВО ПИСАТЬ изящным контурным шрифтом преподает ЛИЧНО И ЗАОЧНО (иногородним посредством переписки) А.И. КОССОДО, удостоившийся звания профессора КАЛЛИГРАФИИ в Париже и получивший за блестящее исправление почерков УЧЕНИКОВ И УЧИНИЦ в 10 уроков золотую медаль и диплом на звание почетного члена Парижской и Берлинской академий искусств. Иногородние выучиваются заочно изящному и красивому почерку в 15 уроков. За 2 семикопеечные марки высылаются ПРИБОРОМ ПИСЬМО и подробные условия. Адрес: Одесса, Дерибасовская ул., дом Жульена, № 19, кв. № 9. Проф. каллиграфии А.И. Коссодо".

Будучи убежденным в том, что "любой почерк при добром желании, небольшом труде и запасе терпения можно исправить в короткое время", он разработал оригинальный метод исправления почерка, основанный, по его словам, "на законах эстетики, симметрии, педагогики и изящного вкуса".

Коссодо не был единственным, и тем более, первым каллиграфом в Одессе. Еще в 1827 году здесь объявился и "по всем правилам сей науки" на русском и французском языках давал уроки каллиграфии "известный французский чистописец Клавдий Арно", в одно время с Коссодо в Одессе держали "Курсы каллиграфии" Ш. Крук, Н. Непомнящий, И. Ходоров. Но профессор с Дерибасовской был, что называется, на виду всего города.

Он преподавал каллиграфию в разных учебных заведениях, в том числе в Императорском Новороссийском университете, где удостоился специального аттестата "За блестящее исправление дурных почерков", получал золотые медали и почетные дипломы на самых престижных международных выставках и участвовал в самых громких судебных процессах, где требовалось заключение эксперта-почерковеда. В книжных магазинах продавали его брошюры "Метод преподавания профессора Коссодо в Одессе" и "Помощь письменных наставлений и полное руководство к изучению каллиграфии", а в писчебумажных, как их тогда называли, — созданное им "фирменное" стальное перо "Коссодо" и слепок его правой кисти, фиксирующий нужное положение пальцев и ручки в процессе письма, что должно было "значительно облегчить задачу плохопишущего". Из книжек Коссодо многие одесситы узнавали о том, что есть разные типы почерка — каллиграфический, министерский, контурско-коммерческий, рондо, готик и другие. А 18-летний ученик одесского художественного училища Евгений Шумахер, которого угораздило сойтись с опустившимися до банального криминала местными анархистами, пытался было устроить модную тогда, в 1907 году, "экспроприацию" в квартире Коссодо.

Он умер от апоплексии пятидесяти шести лет от роду, его хоронили морозным и метельным январским днем 1917 года, и один бойкий одесский журналист в избытке эмоций написал в некрологе, что "профессор каллиграфии Коссодо поставил свою последнюю точку в жизни". За его гробом, как тогда было принято, до самого кладбища шла спешно приехавшая из Петербурга дочь, сестра, два брата, множество других родственников, друзья, коллеги, благодарные ученики и местные шахматисты, поскольку покойный когда-то изрядно поднапорел и в этом искусстве. Часть состояния А.И. Коссодо согласно завещания обратили на нужды благотворительности, остальное было разделено между близкими.

А вскоре произошла Февральская революция, потом разразился октябрьский переворот, и для того чтобы выписывать мандаты на реквизиции или подписывать смертные приговоры красивый почерк вовсе не был обязателен. И когда глухой ночью 1937 года люди с Маразлиевской пришли за племянником профессора, бывшим присяжным поверенным Виктором Германовичем Коссодо, ему, конечно, совершенно все равно было, каким почерком выписан ордер на его арест.

Вихри горестных событий, казалось, навсегда замели следы профессора каллиграфии Коссодо на нашей грешной земле, и 2-е еврейское кладбище, где его похоронили, было варварски уничтожено. Но... в довоенной повести "Белеет парус одинокий" и в сочиненной уже на излете жизни книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" Валентин Катаев написал о запомнившихся ему с далеких гимназических времен перьях "коссодо", а Лев Славин, перечисляя черты и черточки старой Одессы, вспомнил его в своем романе "Наследник". И на памятнике Александру Сергеевичу Пушкину, что на Приморском бульваре, "каменными автографами" уже второе столетие остаются врезанные в гранит надписи, исполненные по безвозмездно выполненным эскизам архитектора Юрия Дмитренко и каллиграфа Адольфа Коссодо.